

Раздел I. ТЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.74:2

Для цитирования: Фадеев А.Ю., прот. Концепция культовой среды общества в исследованиях В.А. Мартиновича // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 3 (18). С. 7–19.

DOI: 10.56621/27825884_2022_18_7

Протоиерей Андрей Юрьевич Фадеев,

кандидат богословия,

доцент кафедры библеистики и богословия

Пензенской духовной семинарии,

Российская Федерация, 440023, г. Пенза,

ул. Перекоп, 4

fadeevandrei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6973-6081

Концепция культовой среды общества в исследованиях В.А. Мартиновича

Протоиерей А.Ю. ФАДЕЕВ

Аннотация: Феномен нетрадиционной религиозности невозможно исследовать, ограничиваясь рамками ее структурированных форм. Большинство исследований сектантства посвящены институционализированным формам нетрадиционной религиозности, их влиянию на общество и вероучительным доктринам. Увеличивающаяся по содержанию и формам нетрадиционная религиозность имеет некую генерирующую общность, которую Колин Кэмпбэлл в 1972 году назвал культовой средой общества. Концепция культовой среды была исследована и дополнена новыми характеристиками в работах известного белорусского сектоведа В.А. Мартиновича.

Ключевые слова: культовая среда общества, неинституционализированная нетрадиционная религиозность, сектантские идеи двойственной природы, мифологическое мышление, бриколаж, полиморфизм.

Белорусский ученый, доктор теологии Венского университета, кандидат социологических наук, известный сектовед Владимир Александрович Мартинович является автором теории воспроизводства

нетрадиционной религиозности¹. В рамках его теории ключевым компонентом воспроизводства и хранилищем идей неинституционализованной религиозности выступает культовая среда общества. Данный термин был впервые употреблен Колином Кэмпбэллом в 1972 году². В статье сделана попытка обозначить характеристики и элементы культовой среды, которые выступают в качестве функционала в системе воспроизводства нетрадиционной религиозности В.А. Мартиновича. Понятие культовой среды общества впоследствии становится самым устойчивым и распространенным термином в социологии религии и теоретическом сектоведении³.

Культовая среда общества в исследованиях В.А. Мартиновича выступает в качестве одного из элементов классификации нетрадиционной религиозности по структуре⁴. Белорусский ученый предлагает собственное определение культовой среды общества: «Вся сфера неинституционализованной нетрадиционной религиозности, состоящая из сектантских идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке вне контекста какой-либо группы»⁵. Культовая среда, по мнению Владимира Александровича, ограничена вариативностью идей, востребованных в любой временной период среди ее носителей. Другими словами, субъектом культовой среды выступают не ее идеи в диахронной перспективе и даже не идеи, ограниченные синхронным срезом в данный момент, а носитель идей культовой среды. Такой подход резко ограничивает объем аморфного поля культовой среды для предметного исследования. Если субъектом в культовой среде является носитель, а не сами идеи, согласно Мартиновичу, убеждения и практики носителя становятся объектом

¹ Мартинович Владимир Александрович — белорусский теолог и социолог религии, исследователь сект и новых религиозных движений. Кандидат социологических наук (2016). Доктор теологии Венского университета (2006). Председатель Синодального центра сектоведения имени преподобного Иосифа Волоцкого Белорусской Православной Церкви (Белорусского экзархата Московского патриархата). Член Экспертного совета при Аппарате уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете министров Республики Беларусь, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, главный редактор альманаха «Сектоведение» и «Вестника Синодального центра сектоведения».

² Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. № 5. pp. 119–136.

³ См.: Мартинович В.А. Сектантство: возникновение и миграция. М., 2018. С. 52.

⁴ См.: Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 92.

дальнейших исследований⁶. Следует заметить, что автор использует данную характеристику в бинарной позиции — убеждения/практика. То есть носителем может быть признан человек, который лишь изредка интересуется или знаком с идейным полем культовой среды, но не применяет теоретические знания на практике. И наоборот: обыватель, практикующий какие-либо формы оккультизма или бытового магизма, может быть признан носителем идей культовой среды, если делает это неосознанно, в контексте социального опыта. В подобном случае можно говорить лишь о некоей степени погружения в определенной градации: актуализация истинности процесса или идеи (вера), ирония, эксперимент, состояние аффекта или депрессии — мотивы довольно противоречивые, не дающие основания для исчерпывающей характеристики «носителя». По нашему мнению, абсолютное большинство населения имеет опыт вовлечения в культовую среду с раннего возраста в процессе социальной интеграции через сказки, былины, приметы, этнические и семейные традиции, поверья и суеверия. Подобный опыт может быть не востребован и в разной степени влияет на мотивацию, поведение, ценностные установки и космологические представления отдельного индивида. Поэтому любая степень вовлечения делает человека носителем культовой среды общества при условии наличия практики или веры в истинность идеи. Проблемное поле расширяется благодаря внутренней мотивации носителя. Если внешние факторы, которые провоцируют человека на практические или ритуальные действия, подлежат фиксации, верификации и дальнейшему анализу, то мотивационная сторона остается довольно скрытой проблемой. Полагаем, что данная проблема требует дополнительных исследований. По мнению Владимира Александровича, абсолютное большинство идей культовой среды коррелируются с «параметрами мифологического сознания»⁷. Данная проблема ранее была обозначена в контексте мифологического, или «дологического», мышления Леви-Брюля — отвержение логического закона «исключенного третьего» и отличительные качества и свойства времени и пространства. Близок к подобным выводам структурализм Леви-Стросса, где мифу присущи свои отличительные механизмы логики. Описанные Леви-Строссом

⁶ См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 184.

⁷ См.: Там же. С. 148.

и Леви-Брюлем характерные черты мифологического (первобытного, дологического) мышления во многих параметрах имеют современные аналоги в идеях носителей культовой среды. Более того, идейное поле культовой среды поддерживается в литературе о мифологии, культурных и религиозных традициях народов мира. Бинарная схема степени вовлечения В. А. Мартиновича позволяет выделить ключевые переменные подобно методологии определения степени воцерковления В. Ф. Чесноковой: ценности, мотивы, поведение, реакции. То есть теоретически выявление степени вовлечения может проходить в рамках классической методики исследования социологии религии, если исключить из опроса пункт о самоидентификации⁸.

В системе воспроизводства нетрадиционной религиозности В. А. Мартиновича культовая среда общества является основанием и онтологической причиной всего спектра структурированных видов сектантства. Объем и степень влияния культовой среды на окружающее общество кратно превосходит все другие виды нетрадиционной религиозности, вместе взятые. Соответственно, «продукты распада» структурированного сектантства возвращаются обратно в культовую среду в виде модифицированных идей и практик⁹.

Белорусский сектовед выделяет пять основных «составляющих» культовой среды на основе анализа ее границ с окружающим обществом: материальная база, носители идей и смысловых конструкций, содержание идей, «структура» культовой среды и явления с «двойственной природой».

В материальной базе культовой среды автором выделены два подвида: обычные носители, содержащие идейные вариации, терминологию или отсылки в идейное поле¹⁰, и специализированные тематические издания, целенаправленно распространяющие и поддерживающие культовую среду. В классификации В. А. Мартиновича технических средств трансляции просматривается первичная характеристика всего объема носителей среды, данная К. Кэмпбэллом, — «искатели» и «потребители»¹¹. Искатели — это своего рода интер-

⁸ См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 148.

⁹ См.: Там же. С. 95.

¹⁰ Например: употребление довольно распространенного выражения из словаря оккультиста «место силы» в рекламе недвижимости.

¹¹ Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu... P. 123.

претаторы прежних идей в новых форматах, или популяризаторы исторического наследия культовой среды с качествами постоянного творчества. Вторая категория, в свою очередь, пассивные потребители готового продукта, созданного искателями, и источник материальных ресурсов для поддержки культовой среды.

В характеристике носителя культовой среды Владимир Александрович отмечает бинарную связь между понятиями вера/знание, где вера предполагает некую убежденность в истинности явлений, событий или смысловых конструктов (космологии, космогонии). Знание без «веры» не делает человека носителем идей культовой среды. С другой стороны, верификация убежденности в действительности или истинности идей может лежать в поле практики носителя. Человек — существо разумное, что предполагает некое целеполагание в действиях. Именно поэтому поле практик культовой среды выявляет степень влияния идей на носителя, его мировоззрение, ценностные приоритеты, мотивацию, парадигмы поведения. По мнению Мартиновича, культовая среда исключает в принципе любую форму членства для ее носителей, что затрудняет идентификацию. То есть это своего рода полная автономия без каких-либо структур и сообществ. Часто единственной возможностью верификации членства становятся ответные реакции носителей на внешние раздражители в виде действий или поступков. Белорусский сектовед отмечает, что практически все идеи культовой среды в той или иной степени характеризуются восприимчивостью к мифологическому, или «дологическому», мышлению их носителей. Термины «мозаичность» или «эпизодичность» как характеристики психологического портрета в исследованиях автора вполне согласуются с понятием «бриколаж» Леви-Стросса. Это наблюдение расширяет поле исследований культовой среды в область антропологии, этнографии и семиотики.

В приведенном в начале статьи определении В.А. Мартиновича культовая среда общества содержит в себе два основных компонента: идеи и практики. Автором выделены четыре параметра идейного поля культовой среды: сложность, многогранность, ориентация на практические действия, актуальность¹².

- Характеристика «сложности» показывает вариативность идейного поля, где наиболее популярны простейшие идеи (фигура из

¹² См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 150.

пальцев, постукивание по дереву). Простейшие идеи всегда более востребованы, чем смысловые конструкты и синкретика.

- Под многогранностью автор подразумевает вариативность развития (дополнение) идей внутри культовой среды, то есть способность идей к дальнейшей трансформации. Одни идеи по своему внутреннему содержанию подлежат постоянной трансформации и развитию, другие — не способны к вариациям, находятся в состоянии стагнации.

- Ориентация идей на практические действия в виде табу или действий для достижения поставленной цели стратифицируется автором в три уровня: побуждение к конкретным действиям, побуждение к некоему набору действий и латентный призыв к действиям в содержании идеи.

- Актуальность идей отражает степень востребованности на личном уровне. Эта характеристика имеет много переменных: болезни, обстоятельства, влияние близких, семейные и жизненные неурядицы и многое другое. Собственно, каждый носитель культовой среды в разные периоды своей жизни может иметь совершенно отличный набор актуальных идей и практик. Именно поэтому верификация идейного поля культовой среды проходит на синхронном срезе и не может полагаться на историческую перспективу.

Все приведенные выше характеристики идейного поля культовой среды, по нашему мнению, дополняют друг друга и могут рассматриваться как инструмент научного анализа только в комплексе без отрыва друг от друга.

В качестве характеристики «структуры» культовой среды В. А. Мартинович использует понятие «общность» или некое множество общностей в корреляции с множеством идей. Личность в подобной общности не имеет роли и статуса. Общность эфемерна — это жизнь некоего множества рядом, но не вместе, ограниченная конкретной религиозной или культовой идеей. Размер каждой отдельной общности зависит от популярности и объема содержания объединяющей идеи культовой среды. В. А. Мартинович приходит к принципиально важному заключению: «...границы общностей культовой среды пролегают по всей совокупности их носителей, но не сводятся к каждому отдельно взятому из них»¹³. Подобные

¹³ Мартинович В.А. Указ. соч. С. 153.

общности автор определяет в двух агрегатных состояниях: это состояние пассивности, поддерживающее существование культовой среды, и состояние активности, в котором общность реагирует на внешние раздражители в виде конкретных действий. Помимо общностей носителей, в культовой среде существуют некие идейные общности первого порядка, более крупные и имеющие свой исторический путь развития. Подобные общности первого порядка были неоднократно выявляемы и описаны учеными в XX—XXI веках: «коммунитас», молчаливое большинство, оккультное сообщество, эзотерическая общность, мистическая общность, секуляризированный эзотеризм и др. Некоторые из перечисленных терминов претендовали на универсальную концепцию, описывающую нетрадиционные формы неинституционализированной религиозности. Но при серьезном анализе всегда выяснялось, что данные термины описывают лишь часть более крупного явления, а именно культовой среды общества как более комплексного и объемного определения.

Таким образом, интерпретировав наработки белорусского ученого в корреляции с более ранними дефинициями, можно выделить содержательно-структурную характеристику всей культовой среды: идейные поля, существующие на уровне исторически сложившихся блоков «отверженного знания», и общности носителей, разделяющих определенные идеи в разной пропорции. Назовем эти подкатегории в «структуре» культовой среды соответственно идейными полями и общностями, чтобы исключить путаницу в терминах. Идейные поля можно рассматривать в диахронной перспективе. Это, прежде всего, первичные формы религиозности (анимизм, шаманизм, тотемизм, фетишизм, культ предков, магизм). Затем идет наследие античности: гностицизм, орфизм, неоплатонизм, герметизм. Следующий этап — западный эзотеризм с его подсистемами. Четвертый блок идейного поля — мистицизм доминирующих религиозных систем, в данном случае (западная цивилизация) теистических: еврейская каббала, суфизм (и исихазм — в католическом богословии характеризуется как панентеизм). Пятый блок идейного поля — ориентальные учения: элементы учений и практик других традиционных религий, интегрированных посредством идейной миграции. Данные элементы идейного поля выступают в качестве наследия исторических эпох как рефлексия на вызовы внешних факторов

(наука, религия, культура и философия). Это своего рода видимый след культовой среды, оставленный искателями в разные эпохи. В свою очередь, общности — это некое множество индивидов. Каждый индивид может разделять не один десяток идей из культовой среды, что рождает более сложное представление о пересечении границ множеств. Именно поэтому необходим морфологический анализ идей культовой среды для ранжирования возможных ценностных констант (топов), влияющих на мотивацию носителя.

Последняя, пятая составляющая культовой среды общества в исследованиях Мартиновича — явления с двойственной природой, сектантского и несектантского характера. Автором выделены два способа образования подобных явлений. Первый — это синтез идеи культовой среды с несектантской идеей. Второй, обратный процесс — обмирщение сектантской идеи. Данные процессы трансформации не становятся идеями культовой среды (двойственного характера) до тех пор, пока существуют в сознании одного индивида. Сколько человек должны разделять ту или иную концепцию, чтобы она стала идеей культовой среды? Отвечая на этот вопрос, В. А. Мартинович делает вывод, что границы культовой среды проходят не только в плоскости субъекта, но и в плоскости средств передачи информации и практической деятельности носителей идей¹⁴. То есть, более схематично, границы культовой среды определяются континуумом трех констант: человек, способ трансляции и практическая рефлексия. В каждом конкретном случае данный континуум может иметь свои вариации. В каких-то случаях граница проходит только по персоналиям и средствам коммуникации, в других это тройственный синтез: человек, способ трансляции и практическая деятельность. То есть граница всегда имеет свои варианты. Но стоит отметить, что идеи каждого отдельного носителя без их трансляции во вне остаются только переживаниями без последствий. Поэтому личность и средства коммуникации всегда имеют неразрывную связь. Другими словами, в нашей интерпретации идей Мартиновича, носитель и средства (способ) коммуникации — это постоянная единица культовой среды. Данное утверждение ранее было

¹⁴ См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 157.

сформулировано Ж. Бодрийяром в отношении «молчаливого большинства»: «Огромное число сообщений никогда не доходит по назначению тем, кому они направлены, уже безразлично их содержание, преломляющееся теперь в пустоте, людей интересует только медиум — носители посланий...»¹⁵.

Далее, в рамках концепции системы воспроизводства нетрадиционной религиозности, В.А. Мартинович выделяет пограничные процессы взаимодействия между культовой средой и окружающим ее обществом. Белорусский ученый выделяет два типа подобного взаимодействия — основополагающие и второстепенные. Основопологающие процессы — это трансформация несектантских идей в сектантские носителями идей культовой среды и неносителями идей культовой среды. Вспомогательные процессы — это синтез идей культовой среды и формирование новых идей под влиянием продуктов распада структурированного сектантства. Стоит отметить, что выделенные автором второстепенные процессы относятся скорее не к пограничным формам взаимодействия культовой среды, а к внутренним процессам самой среды. Таким образом, процесс наполнения и трансформации в пограничных явлениях двойственной природы культовой среды является одной из основополагающих характеристик свойств самой культовой среды. А именно: культовая среда наполняется в пограничных областях соприкосновения с другими системами в рамках явлений с двойственной природой. Причина подобных процессов может объясняться актуальностью и популярностью несектантских идей в обществе, свежих и незнакомых обывателю (не искателю). Более того, в рамках самостоятельной интерпретации обывателем именно в новых несектантских явлениях делается множество характерных ошибок: добавление нового, упрощение и усложнение, помещение в сторонний контекст и пр., то есть весь классический спектр неправильных дедуктивных (правдоподобные умозаключения) и аргументационных ошибок¹⁶. Точно такие же ошибки делает и эксперт, не являющийся носителем идей культовой среды, если он проецирует несектантскую идею на какую-либо идею культовой среды, оперируя понятиями из области религии или

¹⁵ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 43.

¹⁶ См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 186.

мистики¹⁷. Другими словами, анализ морфологического поля трансформаций идей культовой среды позволяет выявить характерные ошибки в области логики и умозаключений, сделанные как носителями, так и неносителями идей культовой среды. Пройдя школу культовой среды, человек зачастую теряет способность адекватно отличать явления реальности от иллюзии. В этом контексте важно отметить принципиальное отличие иудео-христианской традиции, являющейся основанием доминирующей культуры, где двойственность бытия находится в бинарной оппозиции.

В рамках авторской гипотезы Владимир Александрович отмечает, что поле гуманитарных наук чаще других подвергается подобной интерпретации. Богатство идей истории, культуры, этнографии, лингвистики, медицины и традиционных религий — все это становится «прекрасным рабочим материалом для искажений»¹⁸. Лишь малый процент трансформированных идей продолжают быть актуальными и востребованными, но в абсолютных числах масштабность данного процесса впечатляет. Несектантские идеи, по мнению автора, постоянная черта человеческого общества и источник генерации идей культовой среды.

Вне пограничных процессов культовой среды происходят не менее значимые трансформации уже существующих, а иногда и «спящих» идей. В этом процессе автор выделяет две мотивационные причины: хаотичный синтез и смешение существующих идей на уровне обывателя и на уровне искателя, то есть некоего профессионального сообщества с коммерческим интересом. Подобное сообщество искателей отличается условно взаимной терпимостью и непредвзвешенной компиляцией, которая создает благоприятные условия для существования культовой среды. Внутренние процессы синтеза идей подпитываются извне остаточными продуктами распада сект и культов различной степени структурализации.

Миграция идей культовой среды, в терминологии Мартиновича, «является гармоничным и самоограничивающимся процессом»¹⁹. Сама миграция — это не механический перенос информации, а способность к восприятию носителями идей культовой среды дру-

¹⁷ См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 191.

¹⁸ Там же. С. 193.

¹⁹ Там же. С. 443.

гих регионов. Носителями культовой среды заимствованные идеи не воспринимаются как чужие в силу взаимной толерантности или полиморфизма в терминологии К. Кэмпбелла²⁰.

Довольно перспективным направлением исследования культовой среды является склонность последователей традиционных религий к восприятию идейного поля «культурного подполья». Владимир Александрович полагает, что в границах традиционных высокоструктурированных религий находится подавляющее большинство приверженцев идей культовой среды. Данная тенденция была выявлена в ходе социологического исследования 2004–2006 годов, но обозначенная проблема требует дополнительного изучения²¹.

Исследование В. А. Мартиновича сконцентрировано на системе воспроизводства нетрадиционной религиозности, где культовая среда выступает в качестве составляющей части системы. Именно поэтому, на наш взгляд, автор сосредоточивается на определении границ культовой среды, где субъектом выступает носитель идеи(й) плюс средства коммуникации. Последние могут включать в себя вербальные, семиотические, письменные средства и даже эмоции. В отношении «структуры» культовой среды белорусским сектоведом были сделаны важные уточнения, позволяющие расширить наши представления о ней. Развивая идеи автора, можно сделать следующие выводы в отношении «структуры». Культовая среда имеет два уровня характеристик — по структуре и содержанию. Это малые общности второго уровня, ограниченные средствами коммуникации, и крупные исторические сообщества, претендующие на некую традицию и преемственность. Последние — своего рода информационный банк или

²⁰ See: Campbell C. The Secret religion of the Educated Classes // Sociological Analysis. 1978. № 39/2. pp. 146–156.

²¹ В 2004–2006 гг. на основании метода В.Ф. Чесноковой ИСПИ РАН проводилось исследование по показателям суеверного поведения. Анкета включала в себя шесть категорий: астрология, приметы, предсказания, колдовство, гадания и экстрасенсы. Согласно данному исследованию, в приметы верят 48% воцерковленных. Готовы изменить планы из-за приметы 29% воцерковленных. В гадания верят 32% воцерковленных. Обращаются к гадалкам или сами гадают 4% и 3% соответственно. В астрологию верят 32% воцерковленных. Пассивно интересуются астрологией еще 20% воцерковленных. Самыми суеверными подгруппами оказались «воцерковленные» и «полувоцерковленные», где показатели суеверного поведения 14% и 13% соответственно. Самые низкие показатели в подгруппе «неверующие». Исследование было направлено на изучение подгрупп по степени воцерковления и не акцентировано на самом феномене культовой среды.

«облако Google», не всегда востребованные, но всегда присутствующие. Собственно, проявления культовой среды в общественном поле, ее существование можно наблюдать только в определенные моменты, когда внешние раздражители мотивируют одну из общностей среды к более или менее активным действиям. Подобные яркие примеры, обосновывающие предложенные концепции, содержатся в монографии белорусского ученого²². Не менее значим вклад белорусского социолога в разработку концепции о двойственной природе некоторых сектантских идей и конструктов. Более того, именно благодаря многолетним исследованиям автора стало возможно выделение одной из основных функциональных особенностей культовой среды — в пограничных зонах системы она взаимодействует с внешними системами в области сектантских идей с двойственной природой. Старые классические сектантские идеи отверженного знания «затерты до дыр» в веках и еретических сообществах, поэтому более востребованными являются их модификации, сопряженные с несектантскими идеями современности. На данный момент в монографиях и статьях В.А. Мартиновича содержится наиболее полное и комплексное осмысление концепции культовой среды не только в русскоязычном, но и в зарубежном сегменте академической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
2. Леви-Брюль, Л. Первобытный менталитет / пер. с франц. Е. Кальшикова. СПб.: Европейский Дом, 2002. 400 с.
3. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / пер., вступ. статья и прим. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
4. Мартинович, В.А. Сектантство: возникновение и миграция / предисл. Л.И. Григорьевой. М.: Познание, 2018. 552 с.
5. Campbell, C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. No 5. pp. 119–136.
6. Campbell, C. The Secret religion of the Educated Classes // Sociological Analysis. 1978. No 39/2. pp. 146–156.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2022,
одобрена после рецензирования 13.07.2022,
принята к публикации 20.07.2022.*

²² См.: Мартинович В.А. Указ. соч. С. 153–160.

Article

UDC: 316.74:2

For citation: Fadeev A., archpriest. Kontseptsiya kul'tovoy sredy obshchestva v issledovaniyakh V.A. Martinovicha. [The concept of the Cultic Milieu in the studies of V.A. Martinovich] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2022. No 3 (18). pp. 7–19.

DOI: 10.56621/27825884_2022_18_7

Archpriest Andrew Fadeev,

Candidate of Theology,
associate Professor,
department of Biblical studies and theology
Penza theological seminary,

4 Perekop str., Penza, 440023, Russian
Federation

fadeevandrei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6973-6081

The concept of the Cultic Milieu in the studies of V.A. Martinovich

Archpriest A. FADEEV

Abstract: The phenomenon of nontraditional religiosity can't be investigated only limited to the framework of its structured forms. Most studies of sectarianism have focused on the institutionalized forms of nontraditional religiosity and their influence on society and creed doctrines. Increasing in content and forms, nontraditional religiosity has a kind of generating community which Colin Campbell in 1972 called the Cultic Milieu. The concept of the Cultic Milieu was investigated and supplemented with new characteristics in the studies of the famous Belarusian' sects researcher V.A. Martinovich.

Keywords: Cultic Milieu, non-institutionalized non-traditional religiosity, sectarian ideas of dual nature, mythological thinking, bricolage, polymorphism.

REFERENCES

1. Baudrillard J. (2000) "V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo" [In the shadow of the silent majority, or the end of the social]. Yekaterinburg. (in Russian).
2. Campbell C. (1972) The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. No 5. pp. 119–136 (in English).
3. Campbell C. (1978) The Secret religion of the Educated Classes // Sociological Analysis. No 39/2. pp. 146–156 (in English).
4. Levi-Strauss K. (1994) "Pervobytnoye myshleniye" [Primitive thinking]. Moscow. (in Russian).
5. Levy-Bruhl L. (2009) La mentalité Primitive [Primitive mentality]. Paris. (in French).
6. Martinovich V.A. (2018) "Sektantstvo: vznikoveniye i migratsiya" [Sectarianism: emergence and migration]. Moscow. (in Russian).

*The article was submitted 30.06.2022,
approved after reviewing 13.07.2022,
accepted for publication 20.07.2022.*